Colonagin Suasciun (ausep)

30.0804

EE TA38TA -- 2004. -30 ABTYCTA .- c. 1,9 "каждая съемочная и группа считала: Толя — наш человек"

Сегодня исполняется 70 лет со дня рождения замечательного актера Анатолия Солоницына. Для нескольких поколений зрителей он остается прежде всего выразителем режиссерских замыслов Тарковского, однако в его актерской биографии — увы, слишком короткой — было немало заметных ролей в театре и кино. Воспоминаниями об Анатолии Солоницыне по просьбе корреспондента Газеты Екатерины Чен поделился младший брат артиста — писатель, кинодокументалист Алексей Солоницын

Осенью вы будете снимать фильм о судьбе вашего с братом предка, Захара ицына, летописца и иконописца XVIII века. История его жизни, выходит оказала влияние на актерскую судьбу Анатолия Солоницына?

Когда Толя решил пробоваться у Тарковского на Андрея Рублева, то, что наш пращур был иконописец, сильно его духовно укрепило. А Захар Солоницын написал и историю Ветлужского края, на которую ссылает

Ваша семья тоже из тех мест? Мы родились в городе Богородске в 60 км от Нижнего Новгорода. Отец из семьи сельского врача, рано остался в семье за старшего, пошел на завод, геройствовал в комсомоле, был в ЧОНе отряде чрезвычайного назначения. Когда мы что-то там дурили дома, он кулаки сжимал и орал: «Я в 18 лет был председателем завкома, я в ЧОНе был, а вы, идиоты...» — никогда руку на нас не поднимал но пугал. У нас это всегда оставалось притчей во языцех. Толя любил его потом передразнивать, когда приезжал... Отец стал пописывать — сначала в богородской газете, потом в областной. Очерки у него были очень хорошие. И его взяли в «Известия». Он был романтик, в аппарате не стал сидеть, оставался собственным сорреспондентом «Известий» почти всю

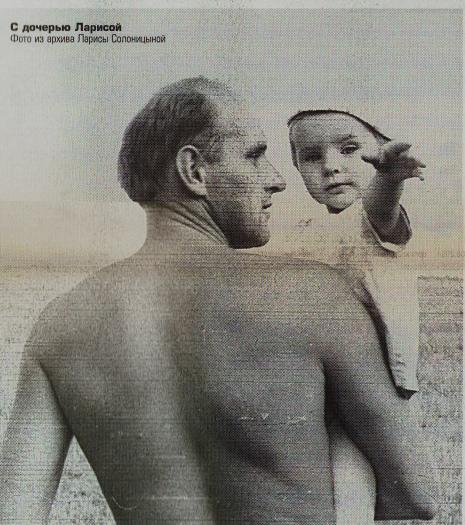
Настоящее имя Анатолия Солоницына — Отто — результат романтических устремлений отца, восхищения подвигами геро-Да, папа назвал своего старшего сына в честь Отто Юльевича Шмидта, исследователя Арктики. Но когда брат стал подра-

стать, то страшно стеснялся своего имени — тем более война с немцами... И сам себе взял имя Анатолий, уж не знаю почему. А в паспорте менять имя не стал, в документах он Отто. Мне даже доводилось слышать, что, дескать, Солоницын тщательно скрывает свое немецкое происхож

Как получилось, что его несколько лет не принимали в театральный вуз? Толя три раза поступал в ГИТИС, и трижды его не приняли. Он доходил каждый раз до третьего тура, и там решался вопрос: ну как такого брать? Лысоватый, нос ьшой, глаза запавшие... какой он артист. В то время было два типа актеров: или герой-любовник типа Ланового, или простак вроде Гусева, Харитонова. Ну комик еще. Вот Миша Кононов, друг Толи, — его без экзаменов приняли. Обаяшка, начальник Чукотки — нужен был. А то, что в русском театре называлось «неврасте ник», только в шестидесятые годы оказалось востребованным, когда Смоктуновский пробился. Тогда же и пьес никаких не было, чтобы это играть... Каждый раз, не поступая, он куда-то ехал. Уходил в геологические экспедиции, под Иваново ездил пни корчевать, работал на ремонтном заводе. Я переживал за него ужасно. Когда я уже учился в университете, в Свердловске, там открылась студия при драмтеатре. Дал ему телеграмму, чтобы не пенно приезжал, — и его туда взяли, слава Богу. Студию закончил с отличием. Его учил, в частности, Адольф Алексеевич Ильин, сыновья которого сейчас известней требованный сегодня актер, по-моему.

вым... в сорок первом году погиб... И мама наша ведь хотела быть актрисой, но ее семья рассудила: одного артиста хватит. Мама зато уж как радовалась за Толю! Особенно ей нравился фильм «Любить человека». Всегда говорила: Толя, какой ты там хороший, прилично одет, в паричке,

В Свердловском драмтеатре Анатолию Солоницыну довелось сыграть что-то овершенно не то, что ему было нужно.

«Антоний и Клеопатра» или же пьесы Погодина — про бригаду коммунистического труда. Единственное — он сыграл в «Униоль, которая показала, на что способен Толя. И тут появился в «Искусстве кино» сценарий «Андрея Рублева», который написали Тарковский и Михалков-Кончаловский. Мы прочитали — и пришли в совершенней ший восторг. Это было открытие нового мира. Там все сошлось, о чем мы думали, спо-

А читали мы много, очень увлекались поэзией. Весь символизм. Серебряный век мы тогда уже прочли, а Толя знал это все наизусть. И когда было безденежье у нас, выступал с чтениями. Даже номер такой был, он спрашивал: ну, что вы хотите, чтобы я вам почитал? Знал, что любят Евтушенко, Вознесенского, Беллу Ахмадулину, Окуджаву, ну еще десяток авторов, плюс еще классику. И к восторгу публики, как импровизатор в «Египетских ночах», тут же все это читал. И потом vже, в зрелые годы, v него были моноспектакли — «Фауст», «Слово о полку Игореве». Сам их ставил и делал это просто

А до «Андрея Рублева» у Анатолия Солоницына был опыт работы в кино? Он снялся на свердловском телевидении у Глеба Панфилова, молодого тогда режиссера, в короткометражке «Дело Курта Кляузевица», о войне — как немец попа в плен. Психологически роль была достаточно сложная, но Глеб рассказывал, что был поражен, с какой серьезностью и неистовостью Толя взялся за работу.

и на картину «В огне брода нет»? Да, специально написал для него роль комиссара Евстрюкова. И вот Толя попросил Глеба узнать, закончились ли пробы бы еще вроде бы идут. И он поехал. Хотя тогда уже Любшин был практически утвержден на роль. Марина Арсеньевна, сестра Андрея Тарковского, вспоминала, как на проходной «Мосфильма», где всегда тусовка, шумно, увидела какого-то странного человека — лысоватого, в черном пальто — и подумала сразу: этот, на верное, приехал к Андрею, на Рублева пробоваться. И точно — зашла в киногруппу, он там сидит. Она не смела ническазать Андрею, но для себя первая Толю «утвердила». К фильму сделали фотопробы. Эта фотография сейчас висит над моим столом. Ко мне приходят священники, духовенство и всегда спра шивают: а кто этот монах? Такая поразигруженный внутрь себя, и есть в этом лице предчувствие ранней смерти, ожидание ухода из этой жизни.

Но утверждение на роль Андрея Рублева Когда перед реставраторами, знатоками древнерусского искусства, разложили фотографии разных актеров, они все не сговариваясь показали на Толю: вот Андрей Рублев. Говорят, Андрей Тарковский был в смятении: провинциальный артист, очень здорово наигрывает, не понимает, что такое кино. Но — фактура, лицо, глаза! А потом, Тарковского поразило отношение к делу. На вопрос, как же с театром, Толя сказал: уйду из театра, и все. Если играть такую роль, то ничем другим заниматься нельзя. Худсовет, который тогда всех утверждал, был против. Михаил Ромм говорил: Андрей ты провалишь фильм, ты с ним ничего не сделаешь. Но Андрей Арсеньевич проверил Толю сразу. Начал с самой главной, помоему, сцены: это финал, когда уже отлит колокол, и Бориска, колокольных дел масмолчания, впервые за несколько лет заговаривает. И Тарковскому надо было, чтобы это был голос человека после долгого молчания, надтреснутый. Он даже думал когото из стариков пригласить, но Толя сказал: нет, сделаю все сам. Перевязал горло шарфом и почти два месяца молчал. И когда Тарковский увидел такую самоотверженность с первых же дней съемок, он понял, что нашел артиста, который ему нужен, и их дружба, творческая и человеческая продолжалась почти 20 лет. И потом уж не было фильма, где у него Анатолий

сером Тарковским и актером Солони цыным сложилось такое взаимопони-

Андрей всегда замечал и в книге своей пишет, что правильное понимание сути актерского ремесла, сути творчества было именно у Солоницына. С ним было работать очень легко, он, как губка, как ребенок впитывал все, что ему говорил режиссер, и тут же, импровизируя на площадке сять — сколько требовалось. Никогда не спорил, не лез со своими идеями, не докапывался до так называемого «зерна». Такому артисту, как Банионису, например, надо было все объяснить: что он делает, но этого не объяснял, это мешало тому чтобы актер шагнул за рамки, чтобы были живая жизнь, запечатленное время, характер, чувство, которое нужно для создания жизни в кадре. И Банионис (на съемках фильм будет провальный. Толя рассказы вал, что, когда они сидели на премьере. Донатас выглядел совершенно ошеломленным — не ожидал. Соткать картину можно ведь не только из того, что говорит очень тонкая природа. В кино вся атмосфера по ниточкам созидается талантом интуицией, гением режиссера. Не может режиссер этого рассказать актеру на съеной площадке, сколько бы он с ним ни беседовал... И когда говорили: вот, мол, тягомотина, смотреть невозможно, — Тарковский подчеркивал, что есть искусство и есть кинокоммерция. Он был философ, у него было собственное понимание мира и кино как искусства, которое может стать вень с музыкой Баха, великими картинами Босха и Брейгеля, которого он очень любил, с романами Достоевского. Искал для этого и пластику, и все выразительные средства, которыми пользуется кино, соединял — и из актеров, которые были ему Солоницын: он понимал актерское искус-

ство как служение. Глеб Панфилов отмечал, что Анатолий был уж очень критичен, самоуничижителен. Даже свои большие работы называл «рольками»: «Вот, рольку сыграл». Он был удивительно скромен и поразительно требовате лен к себе. И всегда считал, что высшая доблесть актера — это идеально выполнить режиссерский замысел, творя, конечно же, образ, воссоздавая то, что там есть, в глубине этой личности, — но в исключи тельном соответствии с тем, что делает ре-

У Тарковского с Солоницыным был ведь и театральный опыт: постановка «Гамлета» в «Ленкоме». Почему спектакль вызывал споры и просуществовал недолго?

Я видел очень много Гамлетов, самых разных, которые гремели по Москве, начиная с Марцевича и Казакова. Видел и Высоцкого, и Смоктуновского... Все эти Гамлеты — или же, как в России трактовали, первый в Дании боец, или Гамлет размышляющий, сомневающийся. У Тарковского же был Гамлет исключительно приближенный к первоисточнику, и многие вещи, наложенные театральной традицией за столетия, они пытались смыть. Но, к сожалению, и в театре «Ленком», и в среде критиков плечами пожимали, недоумева ли — что же это за Гамлет такой. Так и про Рублева говорили — мол, фильм хов фильме нет. Они не понимали, что Рублев — это монах, а монах — это человек созерцающий, наблюдатель мира. Вся работа души у монаха сосредоточена в сердце и прорывается лишь в каких-то ключевых моментах. И таким же был Гамлет созерцающим. Гамлет, который понимает,

газета

ведомый сталкером

лся 30 августа 1934 года в городе родске Горьковской (ныне Нижего-кой) области. Окончил студию при Свердловском драматическом театре. Играл на сценах театров Свердловска, Новосибирска, Талли<u>н</u>а, Минска, Ленин-Новосибирска, Таллина, Минска, Ленинграда, в постановке «Гамлета» на сцене «Ленкома» в Москве (1977). Мировую известность и признание Анатолию Солоницыну принесли роли в фильмах Андрея Тарковского: «Андрей Рублев» (1966, вып. 1969), Солярис (1972), «Зеркало» (1974), «Сталкер» (1979). Актер снимался у Глеба Панфилова («В огне брода нет», 1967), Алексея Германа («Поверка на дорогах», 1971, вып. («Проверка на до́рогах», 1971, вып. 1985), Сергея Герасимова («Любить че-повека», 1972), Никиты Михалкова

ная Гертруда — Маргарита Терехова. Все

удивлялись, почему она, — а ведь по Шекспиру Гертруда молодая, красивая, сексу-

альная, страстная. А Офелия — Инна Чу-

рикова, это тоже было удивительно. И говорили: вот Чурикова, Терехова, Лаэрт —

переживал, для него было важно, что ска-

жут. На премьере мы с друзьями его все

обнимали, успокаивали — Толя, все заме-

чательно, прекрасно... А спектакль долго

не мог продержаться, поскольку было пол-

ное непонимание, к сожалению, и со сто-

роны Марка Захарова. Стихия этого теат-

ра совсем другая, эстрадная, им надо,

чтобы было два притопа, три прихлопа

чтоб был Абдулов Саша... кстати, Толя жил с ним рядом в общежитии на Бауман-

ской. Комнатка восемь метров, прямо на-

против кухни, а на кухне — гоготание, ве-

селье — там три семьи жили, все — молодые артисты. Мама приезжала туда, мыла

полы, варила большую кастрюлю борща,

чтобы они поели чего-нибудь горяченько-

го. — они просили. Саша Абдулов в осо-

бенности: Нина Кузьминична, не уезжай

ма плакала: Толя как раз развелся в это

те, мы хоть по-человечески поедим. А ма-

время, был один и в восьмиметровой этой

клетушке сидел, учил Гамлета... Я помню,

как приехал к нему и случайно отодвинул

широкие — боже мой, там стоит бутылок

тридцать портвейна. Я спрашиваю: это что

такое? А он: мы постимся. И когда нам хо-

чется выпить, мы покупаем бутылку и ста-

вим на подоконник. Будет Пасха — разго-

То есть нельзя сказать, что брат предпо-

читал уединение, — он и с друзьями лю-

Более открытого, более располагающего

к себе человека не было! Его записная

книжка — в жизни не видел такой. Сотни

группа считала: Толя — это наш человек

Поразительно, что друзьями его ближайши-

ми были Саша Кайдановский и Миша Коно-

нов: трудно представить себе более разных

Леша, мы совсем еще не знакомы, а он уже

людей. Толя был открыт, доверчив, и мне

говорит о главном, выясняет позицию —

что думаем о советской власти, как отно-

симся к искусству. Он вел совершенно от-

кровенные, доверительные беседы со все-

разные, по-разному себя ведут в актерской

Он готов был всегда отдать последнюю ру-

тантам, ни выпускникам ВГИКа. В коротко-

метражках снимался — там есть потрясаю-

шие его работы, о которых мало кто знает.

А если соглашался на роли в каких-то по-

средственных фильмах, то не ради денег,

а исключительно из-за того, чтобы спасти

картину, помочь другу, выручить близких

А ради настоящей работы он всегда бро-

ливый режиссер Арсений Сагальчик при-

атр играть Бориса Годунова. И Толя все

бросает, едет в Новосибирск, играет бли

стательно. Затем ситуация у Сагальчика в том театре не складывается, он уезжает

в Таллинн. Тут юбилей Леонида Андрее-

ва — ну, Таллин, Запад, Андреева позво-

лено ставить. Пьеса такая есть замеча-

сал все. После «Рублева» молодой талант-

И никогда ведь не отказывал, уже будучи

енитым актером, ни режисс

башку в прямом смысле слова.

среде. Но его невозможно было не любить.

бил посидеть, в компании?

штору — а дом сталинский, подоконники

все хороши, а Гамлета нету. Толя очень

(«Свой среди чужих, чужой среди своих, 1974), Ларисы Шепитько (»Восхождение», 1976), Александра Алова и Владимира Наумова («Легенда о Тиле», 1976), Вадима Абдрашитова («Остановился поделя, 1982), В 1991 году Согоминым иле езд», 1982). В 1981 году Солоницын стоился звания заслуженного артиста РСФСР, а также «Серебряного медвеля на Берлинском фестивале за лучшую мужскую роль — в картине «26 дней из жизни Достоевского» (реж. Александр Зархи). В июне 1982 года после тяжелой болезни скончался в Москве. Жизни и творчеству Анатолия Солони цына посвящена книга «Я всего лишь трубач», написанная его братом. Алексей Алексевич Солоницын (р.1938) — писатель, кинодраматург, тор десятков документальных фильмов и прозаических произведений. Живет в Самаре.

тельная — «Тот, кто получает пощечины». Сагальчик зовет: Толя, поехали. Он бросачто если он будет жить по законам этого мира, этих людей, то он станет убийцей. ет квартиру в Новосибирске — а вроде об-Гордон Крэг, которого приглашал Станиславский ставить «Гамлета» у себя в театжились уж, и ребенок родился, — едет ре, точно так же понимал это. Трагедия за режиссером в Таллинн. Поставили спек-Гамлета в том, что он переступает этот такль прекрасный, но прошел слух, что это порог, входит в круг убийц. И очищение декадентщина, чуть ли не антисовет что это чуждо советскому театру. И едет смотреть этот спектакль Юрий Зубков происходит, только когда он умирает. Там был совершенно потрясающий финал. Сцена завалена трупами, все убиты, а тогда это был суперколосс, партийный и вдруг Гамлет оживает, поднимается, критик, который решал все. Арсений Сагальчик переживает, что спектакль закрогладит всех — и Лаэрта, и Клавдия, и Гертруду, его душа освободилась наконец, ют. А Толя говорит: успокойся. Приходит в театр — и с ним сердечный приступ. Выему не надо больше думать о том, чтобы мстить... А критики обязательно ждали зывают скорую, откачивают, увозят. Спекэффектных внешних придумок, которые были у Юрия Любимова, где из крупных такль отменяется. Зубкову говорят: извините — с Солоницыным приступ, сердце.. Зубков уезжает в Москву. Режиссер вспотов сплели занавес, который Высоцкий в клочья рвал... Я спрашивал у Толи, минает: «Приезжаю в гостиницу — там Товидел ли он это, а он отвечал: «Нет, ля сидит, и стол накрыт. Ну как, говорит, ни за что не пойду, потому что, боюсь, это я сыграл? Давай отпразднуем». Арсений на меня повлияет. Володя — очень вырана самом деле поверил, что ему плохо, претил смотреть». А я смотрел: ошеломлястепени его определяет: была в одной по это все — занавес, что был лействуюих постановке эффектная сцена, которая щим лицом, все сметал, и Высоцкий с тавсегда сопровождалась овациями. И Толя сказал: Арсений, надо что-то сделать, эти ким чудовищным темпераментом играл. аплодисменты меня выбивают из колеи. щий, страдающий человек, погруженный мешают играть дальше. Наши актеры всев себя... И была совершенно поразительгда рвутся за аплодисментами — а ему

> Тарковский ему говорил всегда: «Если бы у меня была возможность, я бы никому тебя не отдавал, нигде бы ты не снимался кроме как у меня». Но Тарковский простаивал долго. Хотя замыслы были грандиозные: «Идиота» хотел поставить — это была бы гениальная работа. Настасья Филипповна — Терехова, князь Мышкин — Кайдановский. А Толя должен был быть Достоевским, который рассказывает эту историю и наблюдает ее. И Толя говорил Андрей, я мало похож на Достоевского. я следаю пластическую операцию. Тарков ский в ужасе: ты с ума сошел, как ты пороли играть? Толя усмехается: а зачем играть другие роли, если я сыграю Достоев-

> Ну потом он у Зархи снялся в роли Достоев ского (в картине «26 дней из жизни Достоный, но роль замечательная. Он получил «Серебряного медведя» на Берлинском фестивале за лучшую мужскую роль, и этот медведь v него на столе стоял, хотя получал за него приз Зархи, так что ни в какой Берлин он не ездил.

> Ближе родни у меня не было никогда. С детства мы очень привязаны были друг к другу и всю жизнь не расставались, хоть и жили в разных городах — он ко мне приезжал, я к нему... У нас было братство не только по крови, но и по духу. Такой он был человек, и когда заболел, он пре красно все понимал. Но окружающим говорил, что у него радикулит, поэтому он не может ходить. А это был рак легкого с метастазами в позвоночник. Я почти год сидел у его постели, не вызывал медсест ру, все уколы научился делать сам... Тар ковский написал для Толи «Ностальгию» они должны были ехать в Италию, он так мечтал об этом, так ему нравился сценарий, но поехать он не смог. И вот последнее свидание у них было весной, когда Тарковский уезжал и пришел прощаться, — мы не знали, что он уезжает навсегда. И он взял сниматься Янковского. И когда я смотрю этот фильм, то вижу, насколько это было бы глубже, совсем подругому, нет того сокрог ния, духовного метания у Янковского... а есть некое благополучие на его лице. От героя-любовника — много, от человека страдающего — мало. Он другого плана

> Какие свои работы Анатолий Солоницын больше всего ценил? В кино, конечно, он любил то, что сделал Андрея Тарковского. Считал, что эпизод.

> в «Зеркале» — это одна из лучших его ролей. Любил то, что сделал в «Достоевском», хотя говорил, что сцена, которая была лучшей — с припадком во время объяснения с Анной Григорьевной, — в фильм не вошла. Вся съемочная группа хлопала, была заворожена тем, как он сыграл. А Зархи эту сцену вымарал. Потому что же патология?

> Очень еще нравилось то, что сделал в «Восхождении», у Ларисы Шепитько: роль предателя Портнова. Я его уговаривал не играть, думал, что это будет очередной фильм «про войну», а оказалось — это поясающая притча, о восхождении на Голгофу. Важная была роль... Гамлет, конечно. И небольших эпизолов он не стеснялся, если это были настоящие работы, где можно создать характер, — такие роли он очень